

— Твои глаза-фениксы вновь светятся привычной утонченной усмешкой, — голос звучит с легкой насмешкой, а в нем сквозит нескрываемое любопытство.

Поистине, с самого утра не дадут человеку покоя.

Я поморщился:

— Башня Чжаому? — Я был наслышан, что это заведение пользуется дурной славой как бордель для мужчин. Фэн Инь, который всегда питал слабость только к женщинам, с чего это вдруг вздумал туда отправиться?

— С того самого дня, как ты, Цзы Цин, признался, что не любишь женщин, я велел Сяо Чжуцзы разузнать об этом. Несколько дней назад я лично наведалься туда и выяснил, что мужчины тоже прекрасно могут ладить друг с другом. — Фэн Инь произнес эти смущающие слова так буднично, словно обсуждал погоду, чем поверг меня в полное замешательство. В конце он лишь невозмутимо отпил чаю.

Хорошо, что мавзолей покойного императора находится далеко отсюда, иначе его дух непременно восстал бы из гроба от подобных речей.

Я подавил крайнее нежелание и через силу натянуто улыбнулся, согласившись.

Башня Чжаому расположена на самом западе Цзинду, в окружении плакучих ив. Здесь нет лишней мишуры и шума, место довольно уединенное и изысканное. Оно действительно оказалось заведением для мужчин — здесь были лишь мужчины и мальчики-слуги. Даже те, кто провожал нас, — все мужского пола. Обитатели башни — кто утонченный, кто нежный, кто мужественный, кто обольстительный — каждый из них был по-своему хорош. А если говорить о тех, кто выделяется... Каждый день, прогуливаясь с Фэн Инем и глядя на его лицо, я ловил себя на мысли, что даже самые прославленные красавицы мира не идут с ним ни в какое сравнение.

Как-то раз, не имея дел, я взял Фэн Иня в цветочный дом полюбоваться танцами. Его красота заставила даже главную звезду заведения почувствовать себя ничтожеством, хотя сам он об этом даже не догадывался.

Главного красавца Башни Чжаому звали Му Цинь. Он в совершенстве владел искусством игры на цине, шахматами, каллиграфией и живописью. Одетый в полупрозрачные бледно-фиолетовые одежды, с наполовину распущенными волосами, он казался еще более возвышенным и ученым.

Признаться, стыдно, но из четырех искусств я освоил лишь одно, остальные мне чужды. Зато я больше люблю боевые искусства и владение мечом.

Фэн Инь уединился в отдельной комнате с Му Цинем и другим, более мужественным юношей.

Я же, не зная, чем себя занять, заметил одного утонченного и благовоспитанного молодого человека и отправился с ним в другую комнату.

Не подумайте чего дурного — я лишь пил с ним чай, беседовал и коротал время. Хотя с юных лет я любил хаживать в подобные места, но лишь ради прогулки, созерцания красоты и танцев, не более того.

Юношу звали Хань Шу. Он был цитристом, но в силу обстоятельств был вынужден стать куртизаном. Мы с ним довольно мило беседовали за чаем.

Чай в Башне Чжаому оказался отменным: сладковатый, с тонким ароматом, разливающимся теплом по телу... Но вскоре в животе стало невыносимо жарко, и лишь с запозданием я понял... с этим чаем что-то не так!

— В этот чай... добавили возбуждающее средство?

— Хе... господин, не смешите. В таких местах, как этот квартал, разве подают вино или закуски без подобных добавок? — Хань Шу, тоже испивший чаю, прищурился, слегка покраснел и, не спеша, стал снимать одежду. В его словах отчетливо слышалась насмешка.

Но эти его движения показались мне невероятно соблазнительными!

Его руки легли мне на плечи, он тихо рассмеялся, полуобнаженное тело выглядело крайне诱人.

Я невольно коснулся его лица, наши губы встретились. В его дыхании чувствовался аромат того самого чая, а кожа была прохладной, к которой хотелось прикасаться.

Нет! Сыжань рассердится!

Остановись! Сыжань будет плакать!

Как же раздражает! Пришел в этот дом развлекаться, так почему я должен беспокоиться о чувствах какого-то Сыжана? К тому же, кто такой этот Сыжань? Я его... не знаю.

В конце концов, я все же остановился и выбежал из мужского дома, словно спасаясь бегством. Растрепанный, сбившийся с одежды, лишившийся всякого достоинства — должно быть, ночной сторож принял меня за призрак. Добежав до колодца в поместье, я вылил на себя ведро воды с головы до ног, чтобы хоть немного остудить неестественный жар. Одежда насквозь промокла и прилипла к телу, а подувший ветерок принес с собой пронизывающий холод.

Только я повернулся, как увидел Синжэнь с фонарем. Она сонная смотрела на меня, ошарашенная, и лишь спустя долгое время пришла в себя. Потерев глаза, она вскрикнула от

испуга. Я нахмурился:

— Что за вопли? Не узнаешь своего князя? — Я поспешно сбросил мокрую одежду, чувствуя раздражение. — Цыц, хватит стоять столбом, принеси мне одежду!

Она испуганно пробормотала согласие и вскоре вернулась с одеждой. Завернувшись в нее, я некоторое время задумчиво смотрел на абрикосовое дерево, а затем позвал Синжэнь в дом.

Я держал в руках чашку горячего чая и медленно отпил:

— Спрашиваю в последний раз: кто такой... Сыжань?

Синжэнь долго мямлила, прежде чем ответить:

— Хозяин, Синжэнь тоже не знает, о ком вы говорите.

Я приподнял бровь:

— Не хочешь говорить? — Синжэнь продолжала запинаться, отказываясь открыть мне правду.

— Хорошо, очень хорошо!

В гневе я сжал руку так, что чашка разлетелась вдребезги. Осколки вонзились в ладонь, но боль лишь немного приглушила пожар в душе. Никто не хочет говорить мне, где Сыжань — ни тот старый слуга, ни Синжэнь!

Спустя некоторое время я бросил взгляд на Синжэнь, которая смотрела на мою окровавленную руку, скривив лицо от жалости. Я потер лоб и махнул рукой:

— Уходи, я устал.

Синжэнь посмотрела на мою кровоточащую руку и запинаясь произнесла:

— Хо... хозяин, рука...

Я нахмурился и выдернул вонзившийся в плоть осколок:

— Пустяки, уходи.

Синжэнь еще немного постояла, глядя на меня и на мою рану, прежде чем наконец уйти. Я подпер голову здоровой рукой и вскоре уснул. Я даже не заметил, когда Синжэнь успела перевязать мне руку.

Сон... все тот же сон. Я изо всех сил бегу, пытаюсь разорвать невидимые путы, тяну руки, желая ухватиться за ускользающую фигуру.

Еще немного, совсем чуть-чуть.

— Не уходи! — Я ухватился за него, чувствуя радость. Человек медленно повернулся, и я, к своему изумлению, смог разглядеть его лицо. Но тут же замер: эти брови, эта утонченная улыбка, эти черты — всё это... Фэн Инь?!

— Цзы Цин, я не уйду. — Его утонченный голос с легким смешком отозвался у меня в ушах.

Я проснулся в холодном поту. Открыв глаза, я увидел перед собой Фэн Иня. Отпустив рукав его одежды, за который я держался во сне, я в испуге рухнул на колени:

— Сын ваш в страхе, не ведал, что это императорская особа, прости, государь!

— Дядюшка, здесь нет посторонних, к чему эти церемонии? — Улыбка исчезла с его губ, а в голосе прозвучало легкое недовольство.

— Благодарю... благодарю, император. — Я не стал упорствовать. Раз уж сам император разрешил, как я, подданный, могу послушаться? Я налил чаю и протянул Фэн Иню. — Когда вы прибыли в мое поместье? Я и не знал.

Фэн Инь, казалось, был доволен моим поведением. Он едва заметно улыбнулся, взял чашку, крышкой смахнул чайинки и отпил:

— В час кролика. — Фэн Инь поставил чашку и приподнял бровь. — Цзы Цин, что случилось с твоей рукой?

Я взглянул в окно: судя по солнцу, уже был час дракона, значит, он здесь уже целый час.

— Вчера по неосторожности порезался, — ответил я, избегая его тревожного и подозрительного взгляда.

— Порезался? Как же ты неосторожен. Обработал рану?

— Да, не стоит беспокойства. — Я натянуто улыбнулся.

— Я хотел пригласить тебя на охоту через два дня. Не знаю, заживет ли твоя рука к тому времени? — Хотя Фэн Инь говорил это как предложение, его воля не терпела возражений. Иначе, разгневав императора, можно было навлечь на себя беду.

Помню, как одна из любимых наложниц лишь выразила легкое сомнение в словах Фэн Иня, что вызвало его крайнее недовольство. И участь ее была... скажем так, незавидной.

Если он был так жесток даже к любимой наложнице, что уж говорить обо мне, дядюшке, который приходится ему не то родней, не то чужим?

— Охота? — Я все еще сомневался. Чья это была идея?

— М-м, идея Императорского младшего брата И. Что думаешь? — Фэн Инь сделал еще глоток чая.

— Как раз засиделся в поместье, скука одолела. С радостью составлю вам компанию на охоте, — ответил я.

— О, правда? — Он чуть искривил губы в своей привычной утонченной улыбке. — Через два дня жду тебя у дворцовых ворот, отправимся вместе. Идет?

— Как скажет император, осмелюсь ли я не подчиниться? — Я улыбнулся, он тоже.

Когда я почувствовал, что от этой натянутой улыбки у меня уже сводит скулы, Фэн Инь тихо кашлянул и добавил:

— Дядюшка, неужели вчерашний куртизан плохо тебя обслужил? Почему пришлось возвращаться в поместье и обливаться холодной водой?

Вспоминая вчерашнюю ночь, я вытер пот со лба, не зная, что ответить.

— На самом деле, дядюшка, ты ведь не любишь мужчин, не так ли? — Чашка с легким стуком коснулась стола. Его пальцы мерно постукивали по столешнице, а на обычно улыбчивом лице не осталось ни единой эмоции.

По спине пробежал холодок. Я виновато отвел взгляд и спустя долгое время пробормотал:

— Император... на самом деле у меня есть человек, который мне дорог. Простите, что скрывал это. — Подумав, я решил идти ва-банк, стиснул зубы и опустился на колени, готовый ко всему.
— Казните или милуйте — всё в вашей воле.

Стук пальцев по столу прекратился. Он, казалось, задумался.

— Неужели в глазах Цзы Цина я такой жестокий тиран? — раздался вздох. — Вставай. Кто же этот человек, что тебе дорог?

В глубине души, в том туманном образе, я невольно прикусил губу. В глазах читалось нескрываемое обожание. Даже не задумываясь, я ответил:

— Сыжань.

Как только я произнес это имя, в моем сознании словно что-то перевернулось, стало легко и ясно. Да, человек, который мне дорог, — это Сыжань, независимо от того, существует он на самом деле или нет.

Когда я закончил, Фэн Инь заметно вздрогнул. В его глазах-фениксах отразилось смятение, бледно-розовые губы задрожали:

— Сыжань... ты все еще не можешь его забыть.

Он поспешно отпил чаю.

— Я только что вспомнил, во дворце неотложные дела, мне пора возвращаться. В другой раз загляну.

Я очнулся от наваждения, связанного с тем человеком из снов, и, осознав, как нелепо выгляжу, кашлянул:

— Счастливого пути, император.

Мне очень хотелось добавить: раз уж вы знаете, что это «загляну» — лишнее беспокойство, то впредь можете больше не приходить.

— Не забудь, дядюшка, через два дня охота, у дворцовых ворот, буду ждать. — На прощание он одарил меня улыбкой, способной покорить весь мир, отчего мое сердце пропустило удар, а по телу пробежала крупная дрожь.

Что до охоты — это моя стихия. Идея И пришла мне по душе.

Бросив взгляд на темную фигуру у двери, я не удержался и приложил руку ко лбу, чувствуя досаду:

— Выходи. Что ты там крадешься? Думаешь, я тебя съем?

— Хо... хозяин, — Синжэнь нерешительно выскользнула из-за двери с таким виноватым и обиженным лицом, что у меня разболелась голова. — Хозяин... можно Синжэнь поедет с вами?

Я приподнял бровь:

— Разве я когда-то говорил, что не возьму тебя?

В ответ раздался радостный возглас Синжэнь.

...

Два дня спустя. За окном щебечут птицы, цветут цветы, светит солнце. Я сидел на кровати, массируя тяжелую голову. Долго сидел, не в силах опомниться, пока наконец не вспомнил, что сегодня охота. Интересно, Фэн Инь и остальные уже заждались? Или, быть может, уже уехали?

С тех пор как я тяжело переболел, меня одолевает сонливость. Просыпаюсь я каждый день, когда солнце уже высоко. Обошел множество лекарей, но все лишь качали головами — никто не мог найти причину, а даже если находили, то были бессильны. Пришлось смириться.

Я позвал Синжэнь, чтобы она помогла мне одеться, торопливо позавтракал, и мы помчались к императорскому городу. Там Фэн Инь, князь И и остальные были уже готовы к выезду. Не в силах скрыть нетерпение на лицах, они ждали. Я натянуто улыбнулся, вскочил на приготовленного для меня коня, затащил Синжэнь в седло, и мы двинулись в путь.

Всю дорогу ехали молча.

На опушке леса Фэн Инь предложил с улыбкой:

— Дядюшка, брат император, давайте устроим соревнование — кто больше добудет дичи? Победителю брат император исполнит любое желание. Ну как, договорились?

Фэн Инь приподнял бровь:

— Если следовать твоему предложению, брат И, не окажусь ли я в проигрыше?

— Никакого проигрыша! А если победит брат император, тогда дядюшка исполнит желание брата императора. — Фэн Инь завлекал нас, а я, наблюдая за этим представлением, только цокал языком. Почему это вдруг втянуло меня?

Фэн Инь долго смотрел на меня прищуренными глазами, отчего по спине бежали мурашки и хотелось провалиться сквозь землю. Наконец, он не спеша отвернулся и, не колеблясь, ответил:

— Хорошо.

Затем он первым рванул в лес...

Такая скорость повергла меня в изумление. Интуиция подсказывала — проигрывать нельзя! Если победит Фэн Инь, то не потащит ли он меня снова в те бордели... Одно лишь воспоминание вызывало дрожь, я такого не вынесу!

Поэтому вторым в лес влетел я.

В этом лесу прежде никто не охотился, поэтому дичи здесь было видимо-невидимо, не чета императорским охотничьим угожьям.

Я натянул лук, целясь в зайца в кустах. Только хотел пустить стрелу, как раздался крик, от которого я чуть не выронил лук.

Потирая лоб, я оглянулся:

— Синжэнь, что случилось?

— Хо... хозяин, там змея! — Синжэнь широко раскрытыми глазами указывала на зеленый хвост рядом, еще не оправившись от испуга.

— В таком диком лесу змеи — дело обычное, нечего так пугаться, — я помолчал и добавил: — Не трогай ее, и она тебя не тронет.

Снова заяц...

Натянул тетиву, прицелился.

— Хозяин! Змея!!

— Синжэнь...! — Обернувшись, я увидел, как зеленая змея обвилась вокруг ее руки и шипит прямо в лицо. Синжэнь была бледна как полотно, хотя в руке у нее была всего лишь сухая ветка!

На лбу запульсировала вена. Я схватил змею за голову, обездвижив ее, и с силой отшвырнул в сторону. Оглянувшись на Синжэнь, я понял, что она цела, но заяц, в которого я целился, уже давно сбежал.

— Хозяин такой сильный! — хихикнула Синжэнь.

— Хм, только не говори мне, что учителя, которым я платил немалые деньги, не учили тебя, что бывает, если тыкать змею палкой!

Мои слова встретило молчание.

В глубине леса путь становился все труднее, повсюду заросли и густые ветки. Мы с Синжэнь спешили. Только собрались идти дальше, как в уши ударил низкий рык. Я вздрогнул — это рык тигра! Сердце екнуло. Лошади, почуяв неладное, заржали и в панике бросились наутек. Глядя на улепетывающих коней, я лишь спустя время осознал: и лук, и стрелы остались на седлах...

Я повернулся к остолбеневшей Синжэнь и сердито прошипел:

— Синжэнь, как ты держала поводья? Если они убежали, как мы вернемся?!

Рык приближался, слышно было, как тигр ломает сухие ветки.

— Я... — Синжэнь покраснела, не в силах выдать из себя ни слова.

Опасность была все ближе, я не мог не проклинать Фэн Иня. Ну зачем ему понадобилось устраивать охоту именно здесь, в глухой чаще, где нога человека не ступала? Теперь мало того что никакой добычи, так еще и мы сами станем добычей для тигра.

Синжэнь, кажется, тоже услышала рык — лицо ее стало бледнее, чем при встрече со змеей.

Без меча и ножа тягаться с тигром голыми руками? Полное безумие. Поэтому, пока тигр не выскочил, чтобы разорвать нас в клочья, лучшее — это бежать!

С этой мыслью я схватил Синжэнь и бросился наутек. Разумеется, тигр тоже не отставал...

Бежали мы долго, пока не уперлись в обрыв. Пути нет, позади свирепый зверь — мы с Синжэнь оказались в безвыходной ситуации.

Вдруг сбоку, рассекая воздух, пролетела стрела и вонзилась прямо в горло тигру.

— Государь, прекрасный выстрел! — искренне похвалил я. Фэн Инь самодовольно улыбнулся, но... силы не хватило, стрела пробила лишь шкуру, брызнула пара капель крови, и всё. Теперь тигр окончательно рассвирепел. С диким ревом он бросился на Фэн Иня.

Фэн Инь, ловко соскочив с коня, увернулся, но тут из тени выскочили стражи. Однако тигр, казалось, ими не интересовался, а гнался только за Фэн Инем. Картина была уморительная: тигр бежит с торчащей из шеи стрелой, пошатываясь, а Фэн Инь удирает от него.

Стражи пытались накинуть на лапы и шею тигра веревки, но их сил явно не хватало...

В этот момент я видел следующую картину: впереди бежит Фэн Инь, за ним — тигр, а за тигром волочатся стражи. Так и подмывало съязвить: Фэн Инь, твоя внешность и правда слишком ослепительна, даже тигр устоять не может.

Наверное, если бы я это сказал вслух, меня бы тут же казнили на площади.

Тигр прыгнул и ударил лапой Фэн Иня по спине. Увидев это, я потянулся к нему, но, не заметив, как оказался у самого края обрыва, оступился. Камень под ногами поехал, и я, потянув за собой Фэн Иня, полетел вниз.

Видно, пришел мой конец, да еще и прихватил с собой Фэн Иня.

В полете я услышал отчаянный крик Синжэнь:

— Государь! Хозяин!!

...Это она про кого?

Глухой удар, кажется, кости раздробило. Не успев опомниться, я провалился в небытие.

Солнечный день, щебет птиц — как же это раздражает. Вспоминая ту пропасть, я был уверен, что разбился насмерть. Но... кажется, я ошибся. Откуда в подземном мире солнечный свет, птицы и мягкая постель?

Я лежал на кушетке, прищурившись, оглядывая комнату. Все кости, кажется, были переломаны, ни одна конечность не слушалась. Впрочем, неудивительно — падение с такой высоты, да еще и приземлился я под Фэн Инем... выжить — уже чудо.

Не знаю только, как он там. Если что-то не так... боюсь, меня ждет мучительная казнь.

Дверь со скрипом открылась. Вошедшая ступала легко. Присмотревшись, я увидел девушку лет шестнадцати, довольно миловидную. Увидев, что я открыл глаза, она удивленно округлила их:

— Ой! Господин, вы очнулись!

Что за глупости...

— ...! — Я открыл рот, но не смог издать ни звука.

Я заморгал, глядя на девушку, безмолвно спрашивая, что случилось. В сердце закрался ужас — неужели я онемел?!

Девушка поняла и ответила:

— Господин, не беспокойтесь. При падении вы повредили шею, через пару дней все пройдет. Раз уж вы очнулись, пойду позову учителя.

Сказав это, она поспешно убежала. Вскоре слышались шаги двух человек, а вместе с ними донесся легкий аромат цветов.

Я вдруг вспомнил: этот аромат не такой утонченный, как тот, что исходил от Сыжэня. А вот аромат Фэн Иня... он был точь-в-точь как аромат Сыжэня.